Каталог оккультных услуг

18+

ЛЕСЛИ УОЛТОН

Лесли Уолтон

Каталог оккультных услуг

Серия «REBEL»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68300870
Каталог оккультных услуг: Popcorn Books; Москва; 2020
ISBN 978-5-6044580-8-2

Аннотация

Потомственная ведьма Нор Блекберн хочет одного – жить непримечательной жизнью обычного подростка на небольшом туманном острове у побережья штата Вашингтон. Но когда в местном книжном магазине появляется загадочный «Каталог оккультных услуг», написанный ее пропавшей матерью, Нор понимает, что ей еще только предстоит столкнуться лицом к лицу со своим самым большим страхом.

Содержание

Пролог 8
1 23
2 39
3 52
4 69
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Лесли Уолтон
Каталог оккультных услуг

© Екатерина Морозова, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2020
Copyright © 2018 by Leslye Walton

* * *

The Price Guide to the Occult

Каталог оккультных услуг

ЛЕСЛИ УОЛТОН

Перевела с английского Екатерина Морозова

POPCORN BOOKS

Москва

Моим родителям.

Временами мне казалось, что в мире остался

только мрак.

Они снова и снова доказывали мне, что в нем есть и свет

Пролог

У них было множество имен.

Когда много лет назад странствия завели их на север, где высились покрытые льдом горы и долго тянулись зимние ночи, крестьяне звали их: «Хекса! Хекса!» – и преподносили им лютефиск и толстые лосиные шкуры. Сдвинувшись к югу, они стали сангома, и их почитали не меньше, чем местных целителей. На востоке они были бесстрашными дааян; на западе их называли «ла лечуза» и поговаривали, что они способны обращаться в птиц. Их называли знахарками и пророчицами, перевертышами и заклинательницами. Мудрыми. Еретичками. Ведьмами. Их то принимали с благоговением, то боялись и гнали. Учебники истории всех стран мира пестрят рассказами о том, как проливалась их кровь – как по доброй воле, так и помимо нее.

Семья Блэкберн считалась особенно одаренной. Таланты ее лежали глубоко в области непознанного: ясновидение, телекинез, гадания… Блэкберны пользовались своими дарами, чтобы исцелять больных и помогать безболезненно уйти тем, кого исцелить уже невозможно. Чтобы строить города и оборонять их. Одни из них любили, другие сражались, а иные успевали и то, и другое. Много веков и поколений людям казалось, что таланты этой семьи со временем будут лишь преумножаться и никогда не угаснут, как неувядаю-

щий цветок, как полная луна, что будет вечно всходить над миром. Но однажды Рона Блэкберн приняла судьбоносное решение поселиться на богом забытом острове у побережья Вашингтона, и ее решение повлекло за собой нежданный и жестокий конец впечатляющей истории этой семьи.

Остров Анафема расположен в хвосте архипелага Сан-Хуан, в холодных водах моря Селиш. Слово «анафема» обозначает что-то, посвященное богам. По странному совпадению, оно значит также проклятие, изгнание, отделение кого-то от общины. Такое название казалось говорящим: по острову непрестанно гуляли ветры с дождями, а небо над ним было таким серым, что сливалось с океаном. Словом, остров Анафема был местом столь затерянным и незначительным, что большинство картографов не давали себе труда нанести его на карты.

Отсутствие острова в атласах мало беспокоило дружные семейства лак'темиш, жившие там веками. Но цветущее племя снялось с насиженных мест и рассеялось по островам архипелага, как листья на ветру, когда на остров прибыли восемь надменных переселенцев, не позаботившись сперва выяснить, не принадлежит ли земля кому-то другому.

Первым из восьми, в 1843 году, прибыл Мак Форгетт, так и не наживший богатства на золотых приисках страны карибу. Вскоре приехал Иебидия Финч, опытный коновал. Мужчина, которого все называли «начальником порта Суини», раньше был мастером ловушек. Теперь он зорко следил за

маленьким причалом на юго-западном побережье острова. Форсайт Стоун, протестантский пастор, спал и видел, как убедит других переселенцев отречься от кутежей и распутства, которые часто овладевают мужчинами, предоставленными самим себе. Эйвери Стерлинг был талантливым плотником. Саймон Мерсер происходил из семьи потомственных фермеров. Отто Бирх, добропорядочный немец, приехал из маленького городка на севере Калифорнии. И все они считали себя счастливчиками, когда на остров прибыл доктор Себастьян Фарс, а вместе с ним – черный чемоданчик врача и ампулы с опиумом.

Каждый из мужчин облюбовал свой собственный участок земли – несколько сотен акров, чтобы держать коз и овец, – и построил себе хижину, чтобы спать в ней, не снимая обуви. Едой им служили ломти твердого сыра или вяленого мяса, отрезанные тем же ножом, которым вытаскивали занозы и вырезали вросшие ногти на ногах. Испражнялись мужчины на одной земле с козами.

Жены и дети должны были присоединиться к ним лишь через несколько лет. А до тех пор жизнь мужского населения острова Анафема текла своим чередом. Пока одним ненастным днем на пороге очередной длинной, суровой зимы на остров не прибыла нежданная и незваная гостья.

– Значит, она была одна? – спросил Иебидия Финч.

Начальник порта Суини кивнул:

– Не считая двух псов, если их можно назвать псами.

Шесть локтей в холке, как у мифических чудовищ. Но они ни в какое сравнение не шли с ней самой. Никогда не видел столь огромных женщин. Она возвышалась надо мной, как башня. Сначала я решил, что кто-то из вас, жалкие неудачники, выбрал ее себе в невесты, но, думается мне, эта женщина прибыла сама по себе.

Тут начальник порта содрогнулся, вспомнив еще одну отличительную черту великанши – один из ее глаз был стеклянным и злобно вращался в глазнице. Этот глаз был окрашен оттенком лилового, подобного которому не знала природа.

– Полагаю, наша гостья – ведьма, – заявил Отто Бирх.

Остальные рассмеялись, но начальник порта не спешил присоединяться к их веселью.

– А скажи, друг, – попросил Мак Форгетт, – куда направилась сия еретичка?

– По счастью, не знаю, – твердо ответил Суини.

Эйвери Стерлинг обратился к Себастьяну Фарсу, который все это время сидел в сторонке и предавался молчаливым размышлениям:

– А вы что скажете, доктор?

– Конечно, перед нами необычная женщина, – подумав, начал славный доктор, – но все же она женщина. Способна ли она нанести нам, мужчинам, удар, который мы не сможем с лихвой отразить?

– Мне кажется неразумным недооценивать ее, – сказал на-

чальник порта, еще не оправившийся от потрясения. – Помните мои слова, Рона Блэкберн – жестокий и своенравный ураган. Молите Господа, чтобы она не пожелала остаться здесь надолго.

Однако именно таковы были намерения Роны Блэкберн.

Вскоре Рона выбрала себе участок земли – сто восемьдесят акров у подножия скалистого холма, в двух шагах от побережья. И быстро – куда скорее, чем можно было бы ожидать от мужчины, а тем более от женщины, пусть даже и габаритов Роны, – построила дом. Она обставила его в духе своего прежнего жилища на одном из островов Эгейского моря, которое очень ей нравилось: украсила стены ракушками пастельных тонов и выкрасила входную дверь в насыщенный ультрамариновый цвет; греческие старушки всегда говорили, что этот цвет отпугивает злых духов. Следом она поставила кровать, сделала во дворе кострище и соорудила два деревянных стола. Один из них остался пуст, на другом громоздились пузырьки с настойками и стеклянные баночки с нарубленными травами и прочими кусочками заспиртованной флоры и фауны. На этом столе лежали кожаные ножны, где она хранила ножи, стояла мраморная ступка с пестиком и несколько медных мисок: для смешивания сухих ингредиентов, для жидкостей и несколько маленьких – чтобы можно было подносить их к губам и пить. А когда разгорелся огонь и была расставлена посуда, она повесила на ультрамариновую входную дверь деревянную табличку, вскоре зане-

сенную слоем снега (стоял поздний декабрь).

На табличке стояло одно-единственное слово: «Ведьма».

Что бы ни говорили про Рону – а про нее много всякого говорили, – никто и никогда не мог уличить ее в недостатке чувства юмора.

Всю ту первую длинную зиму и львиную долю следующего лета восемь поселенцев держались от Роны Блэкберн подальше. Они не предлагали ей ни помощи, ни дружбы, ни войны – вообще ничего.

Рона огородила участок забором и построила небольшой сарай. Она купила несколько коз и кур у семьи отшельников, жившей на другой стороне острова и не обнаруженной остальными поселенцами. Она нашла в лесах пчелиный улей и перенесла поближе к дому. Когда наконец пришла весна и пчелы проснулись, Рона собрала большой урожай отборного меда. Она высадила огромный сад, и в глазах пестрело от ее подсолнухов, цинний, георгинов, лаванды, розмарина, иссопа, чабреца и шалфея. В жаркие летние месяцы у нее росли морковь, огурцы, бобы и помидоры, размером и формой напоминающие небольшие валуны.

Все это время первая восьмерка не вмешивалась.

А потом…

Восемь мужчин рубили деревья, чтобы украсить церковь шпилем. Форсайт Стоун настаивал, что шпиль должен быть высоким – его должно быть видно из любой части острова, чтобы священная стрела указывала и набожным, и безбож-

никам путь к спасению и вечному блаженству.

Кожаный ремень, которым они связали деревья, чтобы поднять их на холм, перетерся и лопнул, и вниз по склону хлынула лавина бревен, погребя под собой Себастьяна Фарса.

Никто не помнил, кто предложил отнести доктора к Роне. Возможно, это был сам Себастьян, хотя к тому времени, как они подошли к дверям ее дома, он уже почти перестал издавать хоть какие-то звуки.

Рона должна была понимать, что спасение одного из мужчин может привести ее как к принятию, так и к отторжению. Столетиями женщин рода Блэкберн подвергали гонениям по одному подозрению в деяниях менее жестоких, чем лишение кого-то жизни. И тем не менее Рона посторонилась и позволила мужчинам внести раненого врача в ультрамариновую дверь. Когда пострадавшего уложили, она велела всем идти по домам.

Женщины рода Блэкберн никогда не любили публику.

Мужчины, чья одежда все еще была липкой от крови Себастьяна, развернулись и направились к своим хижинам. Одни хранили гробовое молчание, другие болтали, широко распахнув глаза: ужас перед пережитым заставлял их снова и снова пересказывать, как все случилось.

Наутро Себастьян Фарс очнулся и обнаружил, что его раны волшебным образом затянулись, а кровь течет, как полагается, по венам, а не на пол.

Следующие два дня Рона долечивала доктора, а он читал ее драгоценные тома греческих мифов, позволяя двум ее псам лежать у своих ног. По вечерам они раскуривали трубку розового дерева под усыпанным звездами небом и обсуждали общее призвание. Он рассказывал о кожаных жгутах и настойке опиума, Рона – о том, как латать раны магией и как действуют бессчетные лекарственные травы. Ночью они скрепляли союз, шепча клятвы и окропляя простыни потом вместо святой воды.

Затем, всего через три дня после происшествия, Себастьян вспомнил, что связан узами брака и что у него есть жена и трое детей, которых он собирался через несколько месяцев вызвать сюда. Убеждая себя, что произошедшее между ним и Роной было всего лишь кратким помутнением рассудка, он сбежал из кедрового домика Роны через заднюю дверь, обошел дальней дорогой спящих на участке чудовищных псов и ушел домой, чувствуя между ног жгучий стыд за содеянное.

Когда он наконец решился рассказать о своей ошибке остальным мужчинам, все нервно засмеялись и легко простили товарищу то, что договорились считать невольным прегрешением.

– Ты был очарован, – провозгласил Саймон Мерсер.

– Несомненно, ты пал жертвой темной магии, – согласился Отто Бирх.

– Она, должно быть, шептала над твоим одром болезни

заговоры, – предположил Мак Форгетт, – или опоила тебя зельем.

– Боже, какое может быть иное объяснение! – воскликнул начальник порта. – Разделить ложе с *такой* женщиной? С подобным созданием? Временное помешательство, не иначе!

Благодаря судьбу за то, что ведьма не положила глаз на них, остальные семеро предпочли забыть, что она спасла их товарищу жизнь, и понадеялись, что она уйдет с острова своей дорогой если не в тот же день, то уж, по крайней мере, до прибытия их жен и детей.

Себастьян Фарс не мог так же легко этого забыть, и его начали снедать мрачные мысли.

Он не мог заснуть ночью, поэтому лежал и думал. Если Рона могла колдовать над ним, если ее чары и наговоры исцелили его, разве из этого не следовало, что она с такой же легкостью могла использовать свою черную магию ему во вред? Во вред его жене? Его детям?

Рона ни о чем таком не думала. Но она чувствовала, как растущая паранойя Себастьяна Фарса пускает корни в ее мозгу, как живучий сорняк. В скором времени этот мужчина – которого она пригрела в собственной постели, кормила едой, приготовленной собственными руками, и окропила собственным потом – начал представлять себе, как ее труп плавает в озере лицом вниз. Рона поражалась, как быстро его страх и вина переплавились в ненависть и презрение.

Лето шло своим чередом: дни были жаркими, а ночи – и того жарче. Потом пришла осень и окрасила все деревья на острове в золотистые тона. В конце октября, проснувшись, все увидели, что землю впервые припорошило снегом. А потом, ровно год спустя с того дня, как Рона прибыла на остров, Себастьян Фарс решил взять дело в свои руки.

– Если мы хотим очистить от нее остров, – сказал он своим братьям по оружию, – мы должны сделать это немедленно, пока она не успела отравить души наших жен и дочерей. И пока наши сыновья не пали жертвами ведьминских козней.

Они двинулись в наступление, вооруженные огнестрельным оружием и факелами, невежеством и страхом. Их страх пролился на горящий дом Роны дождем и осел как пепел. Он не дал им увидеть, что языки пламени только ласково лизали ей бока, как шершавый язык дикой кошки. Они не увидели, как она легким шагом выскользнула из задней двери вместе со своими псами, как их пули лишь протыкали ей кожу и плавились, стекая на землю ручейками жидкого свинца. Они не видели, как она стояла, укрывшись среди деревьев, темной тенью в ночи, а низкий рык ее псов звучал как отдаленные раскаты грома. Баюкая укрытый под юбками растущий живот, Рона смотрела, как первая восьмерка сжигает ее дом дотла.

Потом, пьяные от виски и азарта охоты, мужчины копались в останках дома Роны. Они не нашли ничего, кроме гип-

нотического лилового стеклянного глаза, взиравшего на них из пепла. Они дерзко водрузили его на стену Уиллоубаркской продуктовой лавки вместе с другими их трофеями – чучелами фазанов и диких индеек и головой чернохвостого оленя. Форсайт Стоун, протестантский пастор, сравнил его с широко раскрытым глазом бури. Он утверждал, что этот глаз – свидетельство их героизма. На самом деле он только лишний раз свидетельствовал о том, что первая восьмерка состояла из полных кретинов.

Глубокой ночью Рона вернулись и перебудила всех мужчин пронзительным воплем, от которого у них кровь застыла в жилах и еще долго дрожали барабанные перепонки. Она разогнала мрак ослепительным светом, который, как они потом клялись, исходил из кончиков ее пальцев. Она принесла с собой и кое-что куда страшнее огня: отряд деревянных левиафанов – вырезанных из дерева монстров невиданной породы, таких огромных, что их силуэты заслоняли собою Луну. Глупые мужчины могли только чувствовать, как из их ушей льется кровь, и смотреть, как чудища Роны сравнивают с землей их дома. И все же им пришлось признать, что месть была честной: как говорится, око за око.

Но Роне было мало одного только честного воздаяния по заслугам. Она знала, как сильно они хотели, чтобы она ушла с острова, чтобы все напоминания о ней исчезли бесследно, как смытые приливом с песка отпечатки ног.

Так что, когда ведьма почувствовала знакомое желание

уйти, дальше кочевать с места на место, как и все ведьмы, что были до нее, она принялась искать заклинание, которое заставило бы зов крови замолчать. Рона хотела, чтобы животные Анафемы росли и процветали, дыша кислородом, побывавшим в ее легких. Она хотела своими руками высечь ландшафт острова и наводнить реки пóтом, стекающим с ее лба.

В поисках подходящего заклинания она исследовала ветви семейного древа Блэкбернов. Она следила, как они устремляются к небесам, изгибаются и вновь стелются по земле. Она смотрела на корни, тянущиеся сквозь все части света и покрытые надписями на языках, вымерших столетия назад. И там, глубоко под искривленными корнями старого семейного древа, покоилось то, что Рона искала.

Она наложила связующее заклятие и вырезала его слова на собственной коже, напитывая его силой своей пролитой крови. Потом острым лезвием ножа вырезала имя Себастьяна Фарса на частях своего тела, которых касался его рот: на внешней и внутренней стороне бедер, в изгибе шеи и на округлых грудях.

Когда родилась ее дочь, Рона вновь взялась за нож и проколола младенцу пятку. Их кровь, смешавшись, растеклась по матрасу, как чернильное пятно, и Рона вновь пропела заклинание: в этот раз ласково, как колыбельную.

Чтобы наложить связующее заклятие, нужно надорвать несколько слоев своей души и пришить их к совершенно иной сущности, так что наложившая его перестает быть со-

бой и становится химерой из собственной плоти и крови и чего-то *иного*. Это черная магия, коварная и ужасная, и, как Рона слишком хорошо знала, за нее надо было платить не менее коварную и ужасную цену.

Дочь Роны, Хестер, не проявляла ни одного из магических даров, от рождения присущих ее матери. Вернее, не проявляла до девяти лет. В этом возрасте она внезапно обрела способность бегать быстрее любого мужчины – или мальчика – на острове. Хестер стала самым быстрым снайпером к западу от Скалистых гор. Многие утверждали, что во время Войны из-за свиньи между Соединенными штатами и Британской империей только угрожающе зажатый в ее маленьких ручках пистолет не позволил пролиться ни капле крови – не считая, конечно, крови несчастной свиньи. Но сверхчеловеческая скорость была первой и последней чудесной способностью Хестер.

С тех пор больше ни одна женщина Блэкберн не владела полным набором талантов великих предков, талантов, которые должны были принадлежать каждой женщине рода по праву рождения. Вместо этого дары кололись на мелкие кусочки, и в каждом новом поколении проявлялся лишь один из них. И будь разделение даров единственным неучтенным побочным эффектом связующего заклятия Роны, быть может, дочери рода Блэкберн жили бы припеваючи. Но одним прекрасным утром на девятнадцатом году жизни Хестер проснулась и поняла, что не может думать ни о чем на све-

те, кроме Андреаса Бирха, сына добропорядочного немца. Внезапно оказалось, что Андреас страдает тем же недугом. Три дня напролет они упоенно открывали новые и новые способы соединить свои тела. Утром четвертого дня Хестер проснулась в одиночестве. Потом она вновь увидела Андреаса за стойкой продуктовой лавки. Его красное от стыда лицо было единственным напоминанием об их страстном союзе – пока через девять месяцев не появилась на свет вторая дочь рода Блэкберн, Грета.

Женщина рода Блэкберн может быть счастлива в любви лишь три дня. Потом мужчина возвращается к своей прежней жизни, к детям и жене, если они у него есть, и не признаёт – часто даже перед самим собой, – что способствовал зачатию новой дочери рода Блэкберн.

Рона хотела вычеркнуть имена восьми глупцов из человеческой истории. Она не ожидала, что этим невольно привяжет их родословные, одну за другой, к своей собственной и в итоге окажется, что больше всего прав на остров Анафема будет у рода Блэкберн. Воплотив свою месть, Рона необдуманно приговорила всех грядущих дочерей рода Блэкберн к разбитому сердцу и союзу без любви.

На протяжении семи поколений судьбы дочерей рода Блэкберн были тесно связаны с островом Анафема и потомками первой восьмерки. Оставалось только гадать, что это будет значить для Нор, восьмой, а значит – последней дочери рода Блэкберн. Могло ли статься, что у нее будет выбор в

любви, что она сможет решить, взять возлюбленного за руку или оттолкнуть? И, что важнее, значило ли это, что на ней длинная череда могущественных ведьм тихо и незаметно прервется?

Нор очень на это рассчитывала.

1
Заклинание сокрытия

Каждый порою желает стать незримым.
Самое сложное – не позволить невидимости стать ловушкой.
Рона Блэкберн

Нор Блэкберн не боялась крови.

Да, некоторых вещей она боялась, но крови среди них не было. Оно и к лучшему, потому что она только что уронила стакан и, собирая осколки стекла, порезала палец до крови. Крови было много.

На секунду Нор застыла и просто смотрела, как кровь собирается у ранки и стекает в раковину. Она вспомнила, как раньше иногда бывала «неосторожна» с ножами, когда загружала посудомоечную машину или резала овощи к ужину. Это был ее способ причинять себе боль так, чтобы никто не подумал, что она делает это специально. Это был ее способ делать вид, что кровь пролилась случайно.

Нор сунула палец под холодную воду и ловко завернула его в марлю. Дальше она собирала осколки уже осторожнее. Да, Нор не боялась крови, но вот того, что она не боится крови, она боялась.

Зайдя в спальню, Нор увидела, что на ее подушке все еще

спит маленький песик; ранним утром в окна уже стучал сентябрьский ливень с ветром. Нор потянулась и задела кончиками пальцев одну из восьми наклонных стен своей комнаты. В каждой стене были окна, в них виднелось небо, и комната Нор казалась ближе к нему, чем к земле. Ночами темно-синие небеса заменяли ей одеяло, а свет звезд освещал ее сны. В ясную погоду отсюда было видно большую часть острова. Этим утром же землю устилал плотный, жутковатый туман, и Нор могла разглядеть лишь верхушки деревьев на побережье и серые, усыпанные скалами воды моря Селиш.

Башню построила прабабушка Нор, Астрид – женщина, способная поднять над головой бревно длиной в два собственных роста. Она сделала ее восьмиугольной и почти неразрушимой.

«Ведьма, увы, вполне уязвима, – часто повторяла Астрид, – так что ее дом должен простоять достаточно, чтобы она хотя бы успела выйти через задний ход».

Нор вытянула из низа лежащей на полу кучи одежды пару рваных джинсов. Она натянула их на бедра и надела черный свитер. Растянутые рукава хлопали ее по бокам, как сломанные крылья, зато хорошо скрывали тонкие белые шрамы на запястьях и локтях.

Она на секунду заглянула в зеркало, чтобы подвести свои голубые глаза черной блестящей тушью и попытаться пальцами расчесать свои лохматые волосы до пояса. Она отыскала на тумбочке, рядом со старой книгой греческих ми-

фов, телефон, схватила за шнурки свои грязные кроссовки и перешагнула через Древность, собаку ее бабушки. Волкодав, поглощенный наблюдением за сидящей на одном из подоконников парой ворон, низко зарычал.

– Ну-ка цыц, – фыркнула Нор. – Мы обе знаем, что ты все равно не представляешь, что с ними делать, даже если поймаешь. Твои охотничьи годы миновали лет сто назад.

Древность задумалась над этой печальной истиной, напоследок угрожающе тявкнула в сторону ворон, встала, прошла мимо Нор и прогрохотала вниз по ступенькам; от каждого ее громогласного шага в окнах звенело стекло. Песик, спящий на кровати, спрятался поглубже под одеяло.

В отличие от предыдущих дочерей рода Блэкберн, Нор получила свой дар – или Ношу, как называли ее женщины Блэкберн, – лишь в первое полутеневое лунное затмение после своего одиннадцатилетия. В то утро она проснулась рано – так рано, что в темном февральском небе все еще ярко сияла луна, – и увидела, что в изножье кровати стоит ее бабушка Джадд.

– Ну и что у тебя? – спросила та, не выпуская из зубов трубку розового дерева.

Нор жила в Башне только с прошлого года и еще не успела привыкнуть к грубоватым манерам бабушки. Когда Джадд всмотрелась в нее, ее сердце забилось быстрее: от этих всевидящих глаз ничего нельзя было скрыть.

Ношей Джадд, шестой дочери, было целительство. Нор

всегда боялась отдаваться на милость бабушки, обнажать перед ней все свои противоречия, несовершенства и страхи и ждать, пока Джадд бесстрастно починит сломанные части ее тела.

– Сделай глубокий вдох, – приказала бабушка.

Нор послушалась, и ее затопила волна облегчения. Она ощутила… ничего. Быть может, эта чаша ее минует? Джадд выдохнула клуб дыма, и Нор вдохнула его. Дым защекотал ей горло. А заметив это, она заметила кое-что еще.

– Я слышу пчел, – прошептала Нор и закрыла глаза. Шум спящего улья в саду звучал в ее голове все громче. – Нет, не то чтобы они говорят со мной… но я их слышу. Я слышу их матку. Следующий снег выпадет через неделю. А петушок во дворе не доживет до весны.

Джадд весомо кивнула, признавая ее Ношу.

– Значит, с тобой говорят животные и растения, так? Добрая Ноша, Нор.

Нор поняла, что хотела сказать бабушка: она в безопасности. Если только она не пожелает шагнуть за пределы своего безобидного дара, можно не бояться, что она станет такой же, как мать.

Поэтому Джадд давно уже ушла обратно спать, а одиннадцатилетняя Нор все смотрела, как луна сливается с рассветным небом, и пыталась убедить себя, что Ноша, о которой она рассказала бабушке, была единственной.

Солидный кусок Анафемы оставался практически необи-

таемым, а более населенная часть острова состояла из фермерских домиков, пляжных коттеджей, исторических зданий и парочки приманок для туристов. Большая часть магазинов и салонов расположилась вдоль главной улицы – Извилистой, названной так, потому что она действительно петляла и вилась вдоль юго-западного побережья острова.

Лавка «Ведьмин час» располагалась над пекарней «Сладости и пряности». Поднимаясь по ступенькам ко входу в здание, Нор заметила, что дверь пекарни широко распахнута, и ее окутали ароматы свежевыпеченного хлеба – запах корицы, пумперникеля и закваски. С улицы было видно Блисс Суини с пятнышками муки на обеих румяных щеках, пьющую утреннюю чашку кофе с Виторией Оливейра, владелицей спа-салона «Молоко и мед» дальше по улице. Увидев Нор, обе помахали ей.

– Вы ведь не против разложить у себя наши листовки? – спросила Нор. Она достала из рюкзака две пачки флаеров и вручила женщинам. – Я обещала, что они будут лежать на стойке каждого салона на улице.

– Да уж, в этот Хэллоуин Мэдж развернулась по полной, – задумчиво протянула Блисс, изучая листовку. – Полуночная экскурсия на кладбище при свете фонариков. Спиритический сеанс, хиромантия… Быть может, ей удастся зазвать на празднество самую нашу юную Блэкберн?

– Только через мой труп, – улыбнулась Нор.

– Но что, если в этом году придет Рона Блэкберн? – под-

дразнила ее Витория Оливейра. – Мэдж уже много лет обещает…

– Лишний повод остаться дома, – ответила Нор. – Я собираюсь выключить свет и съесть все сладости, которые Апофия купит для детей.

Блисс рассмеялась.

– Совсем не горишь желанием встречаться с печально знаменитой прародительницей?

– Ни капли.

Хотя Нор носила фамилию Блэкберн, никто на всей Анафеме никогда не относился к ней как-нибудь по-особому. Странные личности были неотъемлемой частью жизни острова. В конце концов, здесь даже названия улиц как будто вышли из волшебных сказок: улица Красных Маков, переулок Звезд в Глазах… Здесь коротали годы пенсии художники, на досуге создавая скульптуры из поломанной электроники и рисуя огромные, реалистичные обнаженные портреты друг друга, которые потом с гордостью демонстрировались на еженедельной уличной ярмарке. Здесь Харпер Форгетт – строго говоря, шестиюродная сестра Нор – и ее девушка Калима разводили альпака в фамильных угодьях Форгеттов. Клиенты Витории Оливейра любили ее лавандовый джем не меньше лавандового педикюра, а Тео Доусон, единственный на острове механик, частенько работал за крокмесье.

А вот Хеккель Абернати, владелец Уиллоубаркской про-

дуктовой лавки, напротив, рассказывал всем, кто его слушал, что семья Блэкберн очень необычна. Для него она была живым талисманом или оберегом, приносящим удачу, и гарантом хорошей судьбы острова. Его убеждения можно было понять. Связь дочерей рода Блэкберн с островом была так сильна, что Нор часто представлялось, будто вены под ее кожей и корни под ногами несут одну и ту же кровь.

Остров кишел напоминаниями о наследии рода Блэкберн. Перед каждым домом, построенным Астрид Блэкберн, пятой дочерью, стояла плита, на которой было написано, что это историческое наследие. Перед библиотекой, книги которой спасла от пожара, бушевавшего на острове в 1928 году, мать Астрид, Скарлет, стояла ее статуя. Кладбище острова могло похвастаться надгробными камнями всех пяти почивших дочерей рода Блэкберн и даже самой Роны. Жители верили, что если оставить на гробнице Мары, третьей дочери, белую лилию, то их ушедшие близкие найдут на том свете покой.

И хотя по острову бродило множество историй о том, как именно все эти невероятно одаренные женщины получили свои невероятные дары, к счастью для Нор, те, кто искренне верил, что они ведьмы, встречались довольно редко.

Нор вышла из пекарни и поднялась выше, стараясь не поскользнуться на усыпавшем ступеньки ковре оранжевых и красных листьев. Вход на второй этаж был по сезону украшен початками кукурузы и горшочками с физалисом. Вруч-

ную расписанная вывеска на окне гласила:

«Пешие экскурсии по легендарным местам ведьминской славы острова Анафема. Туры трижды в день. Расписание и цены уточняйте внутри».

Нор вытерла мокрые ботинки и под хрустальный звон колокольчиков вошла в магазин, в густую дымку благовоний. Каждый раз, входя в «Ведьмин час», Нор ощущала, как будто соприкасается с тайной. Темно-лиловые стены и бархатные шторы создавали в комнате мистическую атмосферу. На деревянном полу красовалась черная пентаграмма. На подоконниках неверно горели короткие толстые свечки. Со стен смотрели устрашающие морды горгулий и посмертные маски, а меж них висели сушеные травы и полки с аптечными пузырьками, наполненными самым разным подозрительным содержимым: кладбищенской землей, сушеными скорпионами, кровью летучих мышей. Здесь можно было найти метлы, слабо пахнущие корицей, и высокие заостренные ведьминские шляпы от местного шляпника. У магазина имелся даже свой фамильяр – игривая черная кошка по имени Кикимора.

Какая жалость: будь хоть одна дочь рода Блэкберн способна плести чары, в «Ведьмином часу» нашлось бы все необходимое. Но, похоже, искусство колдовства ушло в могилу вместе с Роной. «И скатертью дорожка», – думала Нор.

Пока Нор вешала куртку, в комнату вбежала женщина, которую она знала только как Душицу; за ее плечами развевался черный плащ.

– Тоника? – пискнула она, предлагая Нор кружку. – Только с утра сварила.

Нор взяла кружку, стараясь не смотреть в глаза женщине, нетерпеливо ждавшей, пока Нор сделает глоток. Когда та отпила, Душица радостно захлопала в ладоши и вприпрыжку ускакала в смежную комнату. Нор отставила кружку. Напиток был слишком омерзителен, чтобы пить.

Нор заняла свое место за стойкой, как раз когда в лавочку потек плотный поток участников утренней экскурсии в дождевиках и с мокрыми зонтами. Из задней двери показалась Мэдж Симидзу, владелица «Ведьмина часа».

– Ты кое-что забыла, – поддразнила она Нор, нахлобучивая ей на голову высокую черную заостренную шляпу. Нор скорчила рожу, и Мэдж рассмеялась. – Если найдется минутка, в подсобке надо разгрузить несколько коробок.

С этими словами она натянула капюшон черного плаща себе на голову и поприветствовала кучку экскурсантов. Как только они с Душицей увели туристов под дождь, Нор стащила шляпу с головы и бросила на пол.

Нор ушла из школы после одиннадцатого класса, несмотря на все старания добросовестного специалиста по профориентации. На их последней обязательной встрече та сказала Нор, что ей не хватает, дословно, «внутренней мотивации сделать в этой жизни что-либо важное или значимое».

Не то чтобы это стало удивительным откровением. Учителя отзывались о Нор примерно теми же словами, сколь-

ко она себя помнила. Ее табели всегда пестрели заметками в духе: «неинициативна» и «легко отвлекается». По настоянию бабушки она сдала экзамены и получила диплом об общем среднем образовании; потом выяснилось, что это на самом деле не диплом, а сертификат, который Нор должна сама распечатать из интернета.

Нор так и не собралась с духом признаться кому-нибудь, что она больше всего на свете хотела оставить в мире как можно меньше следов, что она всеми силами старается доказать себе, что совсем не похожа на мать, и на остальное их просто не остается. Именно поэтому неоткрытая ссылка на сертификат о среднем образовании так и лежала у нее на почте, а сама она по-прежнему подрабатывала на благословенно скучной должности в «Ведьмином часу»: раскладывала по шатким шкафам магазинчика карты таро и наборы чародея, продавала туристам поддельные приворотные зелья и пыталась не заснуть посреди дня, если торговля шла не слишком бойко.

За несколько часов Нор разобрала половину новых поступлений, разобрала аптечные полки с корнем мандрагоры и ягодой сумаха и положила на главную стойку еще стопку фирменных наклеек на бампер «Ведьмина часа» с надписью: «Предпочитаю метлу», – и тут в магазин вошла Савви. В руках у нее было два больших стакана с кофейной смесью из «Сладостей и пряностей». Нор уставилась на стаканы жадным взглядом.

Савви, лучшая подруга Нор, была похожа на маленький лучик солнца в потертых берцах и рваных кружевных легинсах. Она была этакой Поллианной от панк-рока, милой и искренней, а еще, по мнению Нор, очень красивой: у нее были огромные карие глаза, кожа цвета охры и волосы диких цветов.

– Ну что, как школа? – поддразнила ее Нор, с благодарностью принимая стакан кофе.

Нор не завидовала ни огромной стопке книг, угадывавшейся внутри ядовито-розового рюкзака подруги, ни количеству часов, которые она в выходные просидит за домашней работой.

– С тех пор как ты ушла, от нее осталась лишь пустая оболочка, – начала Савви. – Все твердят, что никто во всей истории школы не внес в нее столько вклада, сколько ты.

– Ага, я же не вступила ни в один клуб и прогуляла кучу уроков.

– Не пошла ни на одну дискотеку, ни разу не сфотографировалась для альбома… – Савви покачала головой. – Никогда не видела, чтобы кто-то так старался быть незаметным.

– Я не говорила тебе, что у меня нет страниц ни в одной соцсети?

– Ой, даже не напоминай. – Савви встала на цыпочки и погладила свисающие с потолка ловцы снов ручной работы. – Я попыталась написать тебе насчет сегодняшнего вечера, а потом вспомнила, что с тобой можно связаться только через

почтового голубя.

– Или, скажем, отправить эсэмэс.

– Не цепляйся к словам.

– А что будет сегодня вечером? – спросила Нор и почувствовала, как что-то трется о ее ногу. Она опустила взгляд. Кикимора беззвучно мяукала, пока Нор не подняла ее и не поставила на стойку.

– Кучка наших решили сплавать к острову Алкион, – сказала Савви.

Несколько островов архипелага были такими маленькими, что находились в частной собственности. Одним из таких островов был Безмятежный, или Алкион, названный по фамилии богатой семьи, купившей его в сороковых годах прошлого века. К следующему поколению новые ощущения от владения собственным островом в море Селиш поизносились, и остров Алкион был продан. С тех пор он много раз переходил из рук в руки, и последние владельцы – славная пара с материка – сделали из фамильного поместья Алкионов гостиницу. Несколько лет назад она закрылась, и с тех пор остров пустовал.

Нор скорчила рожу.

– Не понимаю, почему вам нравится там шататься. У меня от одной мысли мурашки.

– Я думала, нам нравится, когда у нас мурашки? – удивилась Савви.

– Мурашки нам нравятся, – ответила Нор. – А это место –

нет. Савви, там нашли труп.

– Его же уже убрали! – возразила подруга. – И вообще, мы живем на острове. Что тут, блин, еще делать?

– Можешь пойти поработать, – в шутку предложила Нор. – Разве не пора открывать Общество?

Много лет жители острова стаскивали в сарай за мастерской механика Тео Доусона ненужные вещи и все то, от чего хотели избавиться. Хотя там никогда не доставали денег – Общество Защиты Бездомных Вещей, как с любовью называла его Савви, работало скорее по принципу «бери что нужно, остальное оставь», – Савви большую часть свободного времени проводила за его стойкой. Она называла себя Хранителем ненужных вещей.

– Я могу совершить множество великих дел, но кто сказал, что я их совершу? – ответила она Нор.

Та рассмеялась, отпихнула в сторону Кикимору и взгромоздила на стойку очередную тяжелую коробку. Большую часть книг и антикварных штуковин, которые Мэдж заказывала для лавки, присылали компании с названиями вроде «Прозрачные волны» и «Просвещенный колдун». Особенно возмутило Нор издательство под названием «Книги карги»: оно избрало своим логотипом силуэт типичной ведьмы с длинным острым носом и бородавкой на подбородке.

На этой коробке, однако, не было вообще никаких названий. В обратном адресе стоял какой-то богом забытый городишко штата Мэн, о котором Нор никогда раньше не слыша-

ла. Она открыла коробку. Савви сунула туда нос и вытащила одну из лежащих внутри книг.

– «Каталог оккультных услуг», – прочла она вслух. – Интригующее название. – Она перевернула книгу. – «Сборник чар и волошбы, передававшихся от поколения к поколению. Впервые в истории – просто и доступно всем!» Слушай, тут даже «волошба» с двумя «о»!

– Да, тогда уж точно не подделка, – саркастически заметила Нор. В большинстве так называемых книг заклинаний все заклинания походили скорее на рецепты, причем большую их часть, по непонятным Нор причинам, следовало накладывать обнаженными при полной луне. Она сильно сомневалась, что эта книга будет чем-то отличаться.

– Постой, – протянула Савви, листая страницы, – это на самом деле не книга заклинаний.

– А что тогда?

– Именно то, что сказано в названии. Каталог. С расценками, как на луковицы тюльпанов по весне. Ты присылаешь им заказ и деньги, а они… ну, видимо, накладывают чары за тебя.

– Какое щедрое предложение!

– Еще какое! Видимо, творить волошбу-через-две-о куда легче и веселее, если кто-то за нее платит.

– Типичные американские методы.

– Ага. А в начале есть бесплатное заклинание, которое ты можешь наложить сама. Якобы улучшает память. Что ска-

жешь? Не чувствуешь себя рассеянной? – Тут улыбка Савви померкла. – Так, погоди, тут написано, что «не практикующие заговоров» – тут правда так и написано – должны сначала принести кровавую жертву. Какой же бред!

– Дай посмотреть. – Нор вытащила книгу из цепких пальцев подруги и прочла бесплатное заклинание, машинально теребя пластырь на пальце.

Это действительно было заклинание. Настоящее.

Ребенком Нор проводила каждое зимнее солнцестояние, полнолуние и весеннее равноденствие с Мэдж и ее самопровозглашенным ковеном ведьм. Они собирались на поляне возле Небесного озера, пели песни, танцевали вокруг костра с цветами в волосах и читали «заклинания» – цепочки бессмысленных слов, нанизанных друг на друга скорее ради рифмы, чем ради чудодейственной силы.

Но это заклинание было совсем не похоже на них. Это было заклинание ведьм Блэкберн, из тех, что могла наложить только сама Рона. Так какого же черта оно делало здесь? Нор открыла книгу. И вдруг увидела ее лицо: эти пронзительные зеленые глаза, этот вызывающий взгляд; заостренные ногти, покрытые алым лаком, и не менее алые губы; бледная, будто фарфоровая кожа. Ее прическа изменилась: теперь ее волосы были оранжево-красными и пострижены как у старлетки сороковых годов. Воплощенное кокетство и скулы. После стольких лет она снова появилась перед глазами Нор.

В голову ударил каскад воспоминаний: горящее пожаром

ночное небо, черная обугленная кожа, лужи крови. Шрамы на запястьях и предплечьях начали предвкушающе зудеть. Пальцы так и чесались взять что-нибудь острое.

– Что такое? – дрожащим от беспокойства голосом спросила Савви. – Нор, что случилось?

Заполошное сердце Нор стучало так громко, что она не услышала вовремя, как из-за их спин вышла Мэдж. Та выхватила у девочки книгу и впилась взглядом в фотографию. Потом, прижимая книгу к груди, Мэдж испустила полузадушенный стон, как будто часть ее души ссохлась и отмерла.

– Это моя мать, – прошептала Нор.

2
Заклинание успокоения

Желающий душевного покоя желает душевного безразличия.
Рона Блэкберн

После работы Нор отправилась на пробежку вглубь острова: вокруг Небесного озера, мимо водопада и к утесам, усыпавшим западное побережье. Там она остановилась, чтобы утереть пот со лба, восстановить дыхание и насладиться видом. Красота этого места никогда ей не надоедала: неспокойные серые воды, серые небеса и никого, кроме, может, парочки горбатых китов, вокруг, насколько хватало глаз.

По ветке ближайшей сосны прыгали два воробушка, назло дождю распушив перья и ласково чирикая. Нор знала, что животные дают друг другу собственные имена. Они обычно переводились примерно как Обаяшка, Упорный или Ханжа. Один из этих воробьев называл себя Зоркий Глаз, а другой – Чепушило.

На глубине изящно плыл сквозь волны косяк косаток. Сквозь моросящий дождь можно было различить только грязно-черные пятна их спинных плавников. Их мысли текли плавно и размеренно, и Нор почувствовала, как ее омывает тишина подводного мира. Она закрыла глаза и предста-

вила, что плывет вместе с ними, скользя сквозь холодные воды. Ленточки бурых водорослей, тянущиеся с океанского дна, щекотали ей брюхо. Маленькие рыбки то показывались, то пропадали из виду. Нор открыла глаза и вздохнула.

Для Роны и ее прародительниц способность общаться с живой природой означала умение отклонять надвигающийся шторм, вызывать на иссохшие земли дождь и приходить на помощь морским китам, небесным птицам и земным тварям. Нор в лучшие дни могла худо-бедно предсказать погоду. Это нельзя было сравнить с умениями ее бабушки, и Нор сделала все, что могла, чтобы так все и оставалось. Возможность управлять движением идущей мимо грозы интересовала ее не больше, чем возможность управлять постоянными переменами цвета волос Савви.

Ей нравилась простота ее Ноши. Нравилось знать, что розовые кусты умеют влюбляться, а опадающие листья поют – ритмично вздыхают в такт своему медленному падению на землю. А еще большинство деревьев умело видеть сны; чтобы убедиться в этом, Нор достаточно было в сумерках понаблюдать за лесом.

Под песнь осенних листьев Нор бежала домой длинной дорогой – не по Извилистой улице, а по вившейся вокруг озера тропинке. Дождь закончился, и воздух в легких был свежим и холодным. Работая согнутыми в локте руками, Нор пыталась выкинуть из головы застрявшее там лицо Мэдж. Нор пугало то, как та осела на пол, едва завладев книгой,

мгновенно превращаясь в хрупкую выцветшую пустую оболочку самой себя, в которую ее много лет назад превратил уход Ферн. Чего может достигнуть ее мать, если у нее будет толпа таких почитателей, как Мэдж? Если все они будут готовы на что угодно, лишь бы Ферн была довольна?

Добежав до озера, Нор остановилась, чтобы сделать растяжку, и с удивлением обнаружила, что она не одна. Неподалеку от проторенной тропы она увидела темноволосого парня, который пытался пустить камень по озеру блинчиком. С каждой неудачей его лицо становилось все угрюмее. Он был низкого роста – пожалуй, сантиметров на пять-семь ниже Нор, – но жилистым и крепким. Нор почувствовала, как сердце уходит в пятки: она узнала его. Это был Гейдж Колдуотер.

Семья Колдуотеров, как правило, держалась особняком, однако Нор всегда чувствовала некую их враждебность в свой адрес – особенно со стороны Гейджа, который учился с ней в одном классе. Савви считала, что у Нор просто богатое воображение, но она не видела, какой скандал Гейдж Колдуотер закатил в седьмом классе, когда им с Нор выпало делать проект по биологии вдвоем. Он даже выбежал из класса – за что получил неделю отработок, – когда учитель отказался менять пары. Сказать, что это было унизительно, – значит ничего не сказать.

Вроде бы Колдуотеры жили здесь, хотя Нор понятия не имела, где конкретно и с каких пор. Она всегда видела тут

только тсугу, кусты снежноягодника и пробегающих по тропе чернохвостых оленей. Она ни разу не замечала здесь ни единого дома, а тем более домов.

Гейдж был не один. Рядом с ним на мокрой земле сидела девочка с такими же темными, как у него, волосами. Она жевала губу в глубоком раздумье. Перед ней на куске черной ткани было разложено что-то похожее на карты таро. Нор не особо разбиралась в таро, но впечатлилась: не знай она того, что знала, ей могло бы показаться, что девочка действительно знает, что делает.

– Ты ведь в курсе, что земля мокрая? – спросил у девочки Гейдж, пуская в озеро еще камень. Тот громко плюхнул по воде. Гейдж скорчил недовольную гримасу.

Девочка – Нор вдруг вспомнила, что кузину Гейджа зовут Чарли, – подняла на него взгляд и закатила глаза.

– Блин, помолчи уже минутку, а? – попросила она. – Я пытаюсь кое-что понять.

– Ты представляешь, что Дофина бы с тобой сделала, если бы узнала, чем ты занимаешься? – фыркнул он. Чарли подскочила и больно стукнула его по руке. – Эй, спокойно, ты же знаешь, что я ей не скажу! – сморщился от боли он. – Эта женщина и так уже хочет нас убить.

– Хочет убить *тебя*, – поправила Чарли, снова садясь. – Я ей нравлюсь. Правда, она считает, что я связалась с дурной компанией. – Она посмотрела на Гейджа. – Не знаешь, о ком это она?

– Понятия не имею. – Он поднял и зашвырнул в озеро очередной камень. – Могла бы хоть подождать, пока выйдет солнце.

Девочка, прищурившись, посмотрела на карты.

– Нет, не могла бы, – сказала она. – Это нужно сделать прямо сейчас, и я не понимаю, как толковать этот расклад. Помнишь, на той неделе на Алкионе нашли труп?

– И что с трупом?

– Не знаю. Просто что-то здесь… не так.

Гейдж заглянул ей через плечо и сделал вид, что внимательно вглядывается в карты.

– Не знаю, поможет ли это, но, по-моему, вон та карта значит, что ты несешь чушь. – Он рассмеялся. – Расслабься! Это заброшенный остров на краю света. Наверное, этот труп просто подумал: о, вот он, мой шанс спокойно сдохнуть. Что здесь такого? Знаешь, я даже завидую этому человеку.

Чарли проигнорировала его реплику. Она заглянула в лежащую на ее коленях раскрытую книгу, а потом снова уставилась на карты.

– Вот в том-то и дело, что это заброшенный остров на краю света. У меня такое чувство, что… – Она запнулась посреди предложения, со стуком захлопнула книгу и ладонью перемешала карты. Она заметила Нор, а скоро ее заметил и Гейдж.

– Ты-то какого черта здесь делаешь? – набросился он на нее. Чарли поспешно собрала свои вещи и завернула колоду

в черную ткань. Пробегая мимо Нор, она не заметила, как одна из карт выпала и спланировала на мокрую землю.

Не обращая внимания на гневный взгляд Гейджа, Нор подняла карту. На ней были изображены двое, летящие со стоящей на скалистом утесе башни. В небе сияла вспышка молнии, а в окнах башни плясали языки пламени. От этой картины Нор стало неуютно. Чарли забрала у нее карту, и они с Гейджем молча ушли. Остаток пробежки Нор раздумывала, что такое Чарли Колдуотер углядела в своих картах.

Нор перебежала улицу Красных Маков, перелезла через забор и оказалась в полях, куда Харпер и Калима выпускали пастись своих альпака. Когда животные были довольны, они радостно гудели с восходящей интонацией, немного похоже на казу. Так что до дома Нор провожало целое стадо гудящих альпака. Впереди уже высилась громада дома Блэкберн – мрачная тень на фоне заката. Их дом был не менее внушительным, чем какая-нибудь крепость. Совсем как бабушка.

Нор пыталась придумать, как лучше сообщить Джадд о весточке от матери, о ее книге. Наверное, стоило просто все рассказать. «Сразу переходи к делу», – всегда говорила ей Джадд. Как будто разговаривать с женщиной, которую все называли Великаншей, хоть когда-то было просто.

«Лучше придумаю, как рассказать Апофии», – решила Нор. Апофия была спутницей ее бабушки дольше, чем Нор жила на свете. Пусть она и придумает, как лучше сооб-

щить новости Джадд. Ведь что тут скажешь? Ее мать творит немыслимое – собирает плату за чары, которые много поколений никто не накладывал: чары успеха, удачи, красоты и мщения.

Заклинания Роны и дневник, в который она их записывала, как древняя реликвия Старого Света, передавались из поколения к поколению только как память, как знак связи с прародительницей рода, как напоминание о былых временах, которые никогда уже больше не придут. Насколько Нор рассказывали, последней женщиной рода Блэкберн, способной наложить эти заклинания, была сама Рона.

У изгороди Нор встретили собаки. Древность зацепилась огромными передними когтями за верх калитки и уничижительно уставилась на Нор из-под длинной седой челки. Мелкий пес высунул нос сквозь нижние планки забора. В противовес более крупной собаке Пустячок, как он себя называл, был маленьким жизнерадостным песиком, и ему всегда снилось солнце или жаркий камин. И неудивительно. Древность жила уже при девятом поколении людей, а Пустячок мог все еще считаться щенком и вел себя соответственно. Не то чтобы Нор собиралась говорить это вслух.

Нор уговорила Древность слезть с ворот и вслед за двумя собаками пошла по мощенной речным камнем дорожке к Башне. В свете заходящего солнца камни мерцали, как последние угольки костра.

Дорожка вилась по всему их участку, со времен Роны и по

сей день насчитывающему сто восемьдесят акров, и соединяла Башню с маленькой беленькой танцевальной студией.

Приходить в эту студию к Апофии было любимым занятием маленькой Нор. Она копалась в шкафах, набитых традиционными китайскими ципао, и даже нашла там несколько балетных пачек, сохранившихся со времен, когда Апофия танцевала в балете Сан-Франциско. В иные дни они вместе сидели на крыльце в плетеных креслах, слишком хлипких, чтобы выдержать вес Джадд, и пили чай из фарфоровых чашек, вручную расписанных цветами вишни и слишком изящных для мощной хватки Великанши. Нор часами напролет болтала, как болтают всеми забытые дети, впитывая каждую кроху внимания и поедая бессчетные маленькие шоколадки в ярких бумажках до тех пор, пока ей не начинало казаться, что у нее вот-вот лопнет живот.

Войдя в Башню, Нор зашла на кухню и обнаружила в огромной медной раковине переполненный чайник, из которого выливалась вода. Она выключила кран, стараясь не смотреть на пустую стену над раковиной.

Когда-то там висел огромный набор ножей – самых разных размеров и предназначений. Все они были такими острыми, что можно было разрезать себе руку и ничего не почувствовать. Единственным свидетельством пореза стал бы стремительно распускающийся на ладони алый цветок. Уже больше года Апофия хранила ножи под замком. Нор уверяла, что больше не нужно так осторожничать, но ножи оста-

вались взаперти.

Апофия нашлась именно там, где Нор и рассчитывала: она склонилась над стоящим на плите воком, и горячий пар окрасил ее сухие, как бумага, щеки розовым румянцем. Ее коротко стриженные седые волосы были собраны в пышный помпадур, и сложно было поверить, что Апофии Ву почти семьдесят. Она еще не растеряла грации балерины, какой когда-то была, и Нор не удивилась бы, если бы, опустив глаза, увидела на ее ногах пуанты.

Нор наклонилась над воком и вдохнула аромат кипящего жаркого. На разделочной доске громоздились красные и зеленые перцы чили, сычуаньский перец, тофу и имбирь: судя по всему, блюдо намечалось острое. От предвкушения у Нор заслезились глаза.

Апофия замахала рукой, отгоняя Нор от плиты.

– Зря ты в такой ливень бегала, – заметила она. – Что-то ты бледная.

– Ты всегда так говоришь, – пробормотала Нор. На улице могло быть плюс тридцать, а Апофия все равно повторяла, что Нор какая-то бледная, как будто бедная девочка виновата в том, что ее кожа сохраняла свой нежно-палевый цвет даже посреди лета.

Астрид, прабабушка Нор, построила Башню на руинах кедрового домика самой Роны, то есть, проходя через кухню, Нор наступала ногами на те же места, по которым некогда шагала ее прародительница. Нор чудилось, будто она все

еще слышит шелест роскошных юбок Роны. Она бы не удивилась, если бы, повернув голову, вдруг встретилась взглядом с жутковатым лиловым глазом.

Джадд сидела за столом в столовой, и у ее мощных ног уже успела свернуться клубком Древность. Бабушка сидела спиной к Нор, и та некоторое время молча смотрела, как дым из трубки розового дерева, завиваясь, пробирается к потолку, а потом и вовсе пропадает.

Джадд была целителем, однако никто не просил ее вылечить разбитое сердце или приступ зимней хандры; она занималась физической болью. Иная боль не желала быть вылеченной, и ее надо было уговаривать, уламывать, вынуждать подчиниться. Другая собиралась на руках Джадд и липла к ее пальцам, как шелковистые нити паутины. Третья боль выходила льдинками и разбивалась о землю. Четвертая оборачивалась тяжелыми, плотными камнями, заполнявшими огромные ладони Джадд; от пятой боли руки ее покрывались волдырями, а те становились алыми ранами, из которых сочилась жидкость, и Апофия заматывала их бинтами и покрывала толстым слоем мази. Это была мучительная Ноша. И хотя действительно мало кто знал, как именно Джадд исцеляет, тем, кому она помогала, было достаточно того, что она это делает.

Как и большинство тех, кто имел дело с Великаншей, Нор любила и боялась бабушку. Та возвышалась, как гора, и вселяла страх, но на ее суровом лице проступала доброта, а в

огромных руках жила нежность.

Джадд развернулась, и стул под ней заскрипел. Ее длинные серебристые волосы, заплетенные в свободную косу, были обернуты вокруг головы, как венец. Над ними потрудились ловкие пальчики Апофии: пальцы Джадд были слишком крупными и слишком изувеченными для такой тонкой работы, от большого пальца до мизинца все было испещрено наслоениями шрамов от множества исцелений. Сегодня в этих руках покоилась книга Ферн – «Каталог оккультных услуг». Когда Нор рухнула в кресло напротив, Джадд с громким стуком бухнула книгу на стол.

– Когда ты узнала? – спросила Нор.

– Только сегодня, – ответила за бабушку Апофия, ставя перед Нор чугунный горшочек.

Она принялась яростно тереть полотенцем мокрые лохматые волосы девочки, и та замахала на нее руками.

– Съешь что-нибудь, – приказала Апофия, прежде чем снова скрыться в кухне.

Нор съела самую капельку тофу и проростков бобов, а потом отодвинула горшок и взялась за книгу. Заклинания из книги Ферн были ей знакомы – они передавались в их семье из поколения в поколение. Напротив каждого из них стояла цена. Тут был наговор плохой погоды, порча на неудачи, гадание на огне и сглаз на чувство вины, который, как известно, благодаря вовремя подсунутой горстке обманчиво красивых цветков белладонны вызывал галлюцинации. Но в ката-

логе Ферн встречались и другие чары, которых Нор не помнила. Нечто под названием Помутнение Рассудка, якобы дающее силу управлять чужим разумом, и проклятие Отвращения, призванное подавлять аппетит.

Нор закрыла книгу. Она очень рассчитывала на то, что искусство наложения заговоров и плетения чар кануло в Лету в 1907 году, со смертью Роны Блэкберн. Но теперь, глядя на страницы книги, она начинала в этом сомневаться. Ей свело живот от страха, а перед глазами замелькали образы, которые она предпочла бы забыть: черная обугленная кожа, лужи крови.

– Что будет, если она правда способна все это наложить? – услышала она свой голос.

– Ни черта хорошего, это уж точно, – ответила Джадд, щурясь на Нор сквозь дым. – Чтобы творить магию, не имеющую ничего общего с ее Ношей, ей придется совершить абсолютно ужасные вещи. И их последствия будут не менее ужасными.

Она была права. Чтобы Ферн смогла творить магию, выходящую за рамки отведенной ей Ноши, требовалась жертва, причем крайне мучительная. Требовалась боль, которую, как Нор знала, ее мать всегда причиняла другим без малейшего сомнения. Она наверняка находила этот процесс крайне занимательным или даже захватывающим.

Нор нервно пробежалась пальцами по внутренней стороне руки; она даже сквозь ткань чувствовала тонкие рубцы

шрамов.

– И что нам, блин, теперь делать? – пробормотала она.

– А что тут сделаешь, девонька, – ответила Джадд. – Прямо сию секунду – точно ничего особенного. – Она встала, влезла ногами в свои гигантские ботинки и потянулась к дождевику. Древность медленно поднялась с пола и встряхнулась, разминая затекшие артритные суставы. – Тем более сегодня вечером я пообещала Харпер Форгетт поглядеть, что можно сделать с ее кашлем.

Великанша и ее волкодав вышли на улицу и исчезли в темноте. Нор щелкнула выключателем около двери. Она слышала, как шумит вода у нее за спиной и как в кухне тихонько напевает себе под нос Апофия.

Нор стояла на крыльце и смотрела на деревья, теперь освещенные треугольником света, струящегося от Башни. Она мысленно пересчитывала вспухшие линии шрамов, испещрявшие ее запястья и сгибы локтей. Она считала их, пока ее волосы не высохли после дождя и не перестали свисать сосульками, пока ей не перестало казаться, что она сейчас задохнется, потому что сердце бухает где-то не в том горле.

Прогнать боль может только могущественная стихия. Когда Нор наконец вошла обратно в дом, она напомнила себе, что, быть может, она и не такая, зато у нее есть бабушка.

3
Заклинание превращения

Каждый должен постараться овладеть хотя бы самым простым заклинанием превращения. В жизни каждого наступит момент, когда до отчаяния захочется стать кем-то еще.
Рона Блэкберн

На следующее утро трава была мокрой и блестела. Последние следы вчерашнего ливня вовсю капали с сосновых иголок. Пустячок увязался за Нор по Извилистой улице, но отстал сразу же, как увидел гудящих альпака, нежащихся на утреннем солнышке. Стоял прекрасный день: небо было цвета ляпис-лазури, листья окрасились в красные, золотые и бурые тона, и ветер нес их по тротуарам – только это и выдавало, что на дворе сентябрь, а не апрель и не май.

У обочины дороги росли тысячелистник и чертополох, а из-под скрюченного древесного корня выглядывала живучая герань. Ветерок легонько покачивал синие люпины. Несколько недель назад Калима посадила в клумбах перед домом луковицы нарциссов. Весной их участок запестрит всеми оттенками желтого.

Когда Нор была помладше, она часто играла, делая вид, будто нарциссы – это чашки. Она устраивала целые чайные

вечеринки в садике перед «Ведьминым часом». Однажды Мэдж помогла ей расстелить на грязной земле покрывало с ее кровати и Нор целый день сервировала бутоны одуванчиков и горстки клевера на тарелках из кленовых листьев. Потом Мэдж вынесла ей печенья и приторного лимонада. Нор принялась за еду, а Мэдж посадила ее к себе на колени и плела ей венки для волос.

Это было одно из немногих счастливых воспоминаний детства Нор. И ни одно из них не было связано с ее матерью. У Ферн доброта слишком быстро сменялась злобой, чтобы ей можно было доверять. Одной из любимых игр Ферн было причинять людям боль, и Нор часто приходилось играть с ней. Она никогда не выигрывала.

Завернув за угол, Нор обнаружила, что пространство в конце Извилистой улицы преобразилось, как преображалось утром каждой второй субботы. Движение автомобилей перекрыли, и на дороге расположилась россыпь торговых палаток и раскладных столов. По улице сновали привычные местные и туристы. Мамы и отцы толкали коляски с младенцами, а дети постарше ехали за ними на велосипедах. Молодая парочка пила одну на двоих чашку горячего шоколада и заедала печеньем, теплым и липким, завернутым в белую шуршащую бумагу.

Перед домом Художника были выставлены разномастные инсталляции и керамика ручной работы. Перед мастерской механика Тео на вышитом покрывале были разложены обто-

ченные морем стеклышки всех оттенков синего – лазурные и небесно-голубые, кобальтовые и берилловые.

– Что значит «для чего они нужны»?! – поучала Савви какого-то незадачливого прохожего. – Они же красивые!

Сегодня в ее растрепанных, кудрявых, как штопор, волосах горел закат ядовито-розовых и огненно-рыжих тонов.

Харпер Форгетт и Калима торговали шарфами и свитерами из шерсти альпака, а рядом расположился Рубен Финч с артишоками, мангольдом всех цветов радуги и пастернаком; все это было таким огромным, что не оставалось сомнений, что он вырастил все своими руками. Катриона, бывшая одноклассница Нор, вместе со своей милой и такой же очаровательно пухленькой матерью торговала копченым лососем и кедровыми досками для гриля. Нельзя сказать, чтобы они с Нор когда-либо дружили, и тем более не имело смысла изображать особую симпатию сейчас, но Катриона помахала рукой, и Нор помахала в ответ.

Поднимаясь в «Ведьмин час», Нор прошла мимо пекарни и успела разглядеть Блисс Суини, которая оживленно болтала с покупателем, по локоть погрузив руки в пышный шар теста. Из двери высовывался извилистый хвост очереди.

Заходя в свой магазинчик, Нор задержала дыхание, но, чего бы она ни ждала, ее ожидания не оправдались. Несколько туристов рылись в ящиках с целебными кристаллами, другие ждали, когда Вега, читавший будущее по ладоням, расскажет им, что их ждет. Кучка оживленно болтавших пожи-

лых женщин ждала утренней пешей экскурсии. Книга Ферн Блэкберн красовалась на самом видном месте у кассы, но, похоже, не привлекала особого внимания. Не похоже было даже, чтобы ее покупали.

Хотя мать исчезла много лет назад, все это время Нор боялась – или даже ожидала – ее возвращения. Это всегда казалось неизбежным и даже являлось Нор в кошмарах. Даже в самые солнечные дни страх возвращения Ферн маячил на краю зрения темным пятном на окне, не пропускающим света.

Возможно, ее страхи были ничем не обоснованы; быть может, харизма ее матери и ее власть над людьми были и вполовину не так велики, как боялась Нор. Или, может, ее мать изменилась, стала доброй и благородной? Вдруг в этот раз им повезет? Но стоило Нор позволить себе утешиться этой мыслью, как она вспомнила: ни одной женщине рода Блэкберн никогда ни в чем не везло.

К раннему вечеру сельскохозяйственная ярмарка рассосалась. Последняя экскурсия по подводной жизни вернулась несколько часов назад; некоторое время назад сюда пришла Савви, но быстро пропала под навесом, где Вега гадал по ладоням.

Чтобы хотя бы попытаться не заснуть прямо за стойкой, Нор стала расставлять на ближайшем стеллаже коробку благовоний. Ее всегда забавляли их названия: «Цитрусовое полотно», «Свежий туман у водопада», «Небеса»…

«Интересно, кто там у них решает, как должно пахнуть небо, – подумала Нор. – Не хотела бы я себе такую должность».

Зазвенели колокольчики над дверью, и Нор обернулась на звук. В магазинчик вошла Мэдж вместе с кучкой туристов, громко и радостно делящихся впечатлениями от экскурсии. Нор затаила дыхание, но большинство желало купить набор для чар отворота или оберег, а вовсе не книгу ее матери.

Мэдж сняла с головы капюшон плаща. Пряди ее прямых блестящих черных волос липли к разрумянившимся щекам. Нор всмотрелась в лицо Мэдж и с радостью заметила, что в нем не осталось ни следа вчерашнего отчаяния.

– Можешь сбегать в «Молоко и мед» и прихватить парочку эфирных масел? – попросила она Нор. – А не то Веге придется весь вечер гадать без ароматерапии.

– Ах, какое святотатство!

– Смейся сколько хочешь, но большинство очень успокаивает, когда им предсказывают будущее, – заметила Мэдж. – И, между прочим, тебе его предсказание могло бы особенно пойти на пользу.

– Ага, может, в следующей жизни так и сделаю, – отозвалась Нор, – но ты уговаривай меня, уговаривай.

– И буду уговаривать. – Мэдж ласково потянула Нор за прядь лохматых волос; та закатила глаза, но все же улыбнулась.

– Только составь список, ладно? – попросила она Мэдж. –

А то жалко будет, если я возьму иланг-иланг, а тебе нужен сандал.

– Да, это уж точно будет святотатством, – согласилась Мэдж. Она быстро накидала список и вручила его Нор вместе со стопкой флаеров, чтобы та положила их на стойку спа-салона. Тут из палатки Веги выбежала подозрительно радостная Савви.

«Кажется, Мэдж полностью пришла в себя. Даже Савви с ее невыносимым выражением лица – нормальнее некуда», – с облегчением подумала Нор.

– Давай, рассказывай, – не выдержала Нор, когда девочки неторопливо побрели в сторону спа-салона «Молоко и мед».

– Что тебе рассказать? – с невинным видом переспросила Савви.

– Даже не пытайся. Что тебе сказал Вега? Что ты неожиданно получишь крупную сумму денег? Встретишь в темном переулке высокого и симпатичного незнакомца?

– Так, слушай, во-первых, – начала Савви, – если я встречу в темном переулке незнакомца, он тут же получит в самое чувствительное место. И мне плевать, насколько он будет симпатичный. Во-вторых, если уж тебе так интересно, Вега сказал, что меня ожидают внезапные сложности. – Она рассеянно потянула за серебряное колечко в левой брови. – И что на этой неделе мне важно произвести хорошее впечатление.

– На кого произвести? Здесь никогда не бывает интерес-

ных новых лиц. – Проходящий мимо турист косо посмотрел на Нор, и она подалась ближе к Савви. – Ты же понимаешь, что предсказания Веги никогда не имеют никакого отношения лично к тебе? – продолжила она. – Наверняка он сегодня сказал то же самое как минимум десяти людям.

– Ну что ж, если ты вдруг заделалась спецом по гаданиям, – ехидно проговорила Савви, протягивая ладонь, – предскажи что-нибудь сама.

Нор уставилась на руку Савви. Последней женщиной рода Блэкберн со способностями к хиромантии была, что ожидаемо, Рона Блэкберн. Из всех, кто родился позже, ближе всех подошла Грета, вторая дочь, наделенная тяжкой Ношей вещих снов. Для всех остальных дочерей Блэкберн любые гадания – на чайных листьях, ладонях, рунах или картах таро – были все равно что книги на незнакомом языке. Для Нор хиромантия была одним из множества кусков наследия Роны Блэкберн, которые ее не интересовали. Она покачала головой и посмотрела в лицо все еще выжидающе ухмыляющейся Савви:

– Для меня это просто куча линий и завитков.

– Но ты же выросла в лавке Мэдж! – принялась убеждать ее Савви. – И ты же Блэкберн! Наверняка тебе что-то да передалось! – Она не убирала руки. – Давай, чихни на меня капелькой своей древней черной магии!

Краешком глаза Нор заметила, как линии на ладони Савви начали светиться и мерцать. Стараясь не замечать очень

четкого разрыва в линии сердца подруги, она поспешно закрыла глаза и приказала заполнившему ее голову незваному потоку бессвязных слов утекать своей дорогой.

– Ладно, проехали, – вздохнула Савви. – Но насчет того, что никто сюда не приезжает, ты ошибаешься. На той неделе я плыла на пароме из школы и встретила Рида Оливейра.

Глаза Нор широко раскрылись, а пульс заскакал электрическим разрядом.

– Но он… он же уехал! – запинаясь, выпалила она. – И никто никогда не *возвращается* на Анафему.

Савви развела руками.

– Ну да, но ведь никто сюда и не приезжает, правда? – Она загадочно посмотрела на подругу, и не успела Нор придумать убедительную причину пойти куда-нибудь еще, как ее уже тащили к спа-салону «Молоко и мед», Риду Оливейра и неминуемому унижению.

На таком маленьком острове, как Анафема, прибытие новых жителей может перебаламутить всю округу, особенно если у них два сына-тинейджера – Рид и Грейсон Оливейра. Нор впервые увидела Рида в тот же день, когда пошла в старшую школу на одном из более крупных островов. Хотя школа никогда не приносила Нор особых успехов, идя по Извилистой улице, она позволила себе несколько минут радостного предвкушения и даже перед тем, как сесть на паром и сорок пять минут плыть до школы, зашла в Уиллоубаркскую продуктовую лавку.

Лавка, одно из первых сооружений на острове, представляла собой маленькое серое здание в одну комнату рядом с причалом для паромов; после великого пожара ее перестраивали, но над входной дверью все еще висела старинная вывеска. На острове было полным-полно всевозможных садов и огородов, и в большинстве семей сами пекли хлеб и сами делали мороженое, масло и сыр. Некоторые даже добывали мед.

Но на всем острове только в Уиллоубаркской лавке можно было купить хоть что-нибудь непортящееся: стиральный порошок, шампунь, контейнеры макарон с сыром и арахисовое масло собственной марки. Именно в Уиллоубаркской продуктовой лавке все дети острова покупали гигантские шоколадные батончики, свежие булочки с корицей из пекарни «Сладости и пряности» и стаканы горячего шоколада с горкой взбитого шоколадного крема, чтобы выпить на пароме по дороге в школу.

В то утро все немногочисленные отделы магазина кишели бродящими туда-сюда заспанными школьниками, с которыми Нор училась всю свою жизнь и которые уже составили о ней свое мнение. Нор попались две симпатичных чирлидерши, никогда не обращавшие внимания на ей подобных, а за кассой стояла Катриона, совсем не такая симпатичная и популярная, как ей хотелось. Здесь было и несколько Колдуотеров. Нор, как всегда, подчеркнуто держалась подальше от Гейджа.

Она бесшумно и незаметно вышла из магазина, нервно играя с перчатками без пальцев, которые Апофия связала ей, чтобы не было видно перевязанных запястий. Перчатки были шерстяными, и от них кожа чесалась почти так же, как коросты под ними. Нор мысленно проклинала привычку Савви опаздывать, когда увидела его – удивительное новое создание, стоящее на маленьком причале, как какое-то чудо или мифическое существо.

Он облокотился на перила, откинув свое длинное тело на жилистые мускулистые руки, и как будто ни капли не переживал о том, что у него сегодня первый день в новой школе. Но Нор достаточно времени прожила, пытаясь привлекать к себе как можно меньше внимания, и поэтому превратилась в превосходного наблюдателя.

Нор слышала, что всего через несколько дней после переезда на Анафему у Рида внезапно умер отец. Потеря отца – то, что Нор очень хорошо понимала. Ей безумно не хватало собственного отца, часто ее глаза наполнялись слезами от одной мысли о нем. Конечно, между их ситуациями была огромная разница: Нор никогда по-настоящему не знала отца. Она гадала, каково это – терять отца, который по-настоящему у тебя был. Она думала, что утрата должна быть невыносимой.

Поэтому она увидела на лице Рида Оливейра грусть. И страх. А прежде всего он выглядел потерянным, как внезапно отвязавшаяся лодка. Нор прекрасно знала это чувство.

К концу первой четверти Нор так ни разу и не заговорила с Ридом, хотя они вместе плавали на пароме и то и дело сталкивались в коридорах. У нее был французский сразу после него, и иногда они одновременно проходили в дверь класса, но Нор оставалась для него такой же невидимой, как и для всех остальных. И разве должно было быть иначе? Она же нарочно старалась стать совершенно незаметной.

А потом…

Всю неделю шел дождь, было серо, ветрено и мерзко, и то утро не было исключением. Назавтра начинались зимние каникулы, и, по негласной традиции, большинство школьников осталось дома. Те немногие, кто решил все же поехать учиться, как обычно, взошли на паром.

Нор направилась прямо к буфету, от которого доносился манящий аромат свежесваренного кофе. Там уже собралась длинная очередь, и Нор, стоя в ней, покрепче прижимала шарф к шее и все время дула на пальцы, пытаясь хоть немного согреть их. Паром плыл по ревущим водам, а дождь молотил по стеклам.

Только когда очередь дошла до нее, Нор поняла, что ей не хватает пары долларов. Покраснев, она забормотала неразборчивые извинения бариста, отчаянно роясь в сумочке в поисках завалявшейся мелочи. Вдруг Рид Оливейра похлопал ее по плечу:

– Позволь мне угостить тебя.

Потом Рид и Нор отнесли свои стаканы к пустому столику

в задней части палубы.

– Я не думала, что ты знаешь меня, – призналась Нор.

– Сложно было бы тебя не знать, – с улыбкой ответил Рид.

– Да, пожалуй, школа у нас маленькая, – заметила Нор.

– И, кажется, у тебя французский сразу после моего, – добавил Рид. – Но даже если бы не это все, я бы все равно нашел способ познакомиться с тобой, Нор Блэкберн.

В тот вечер Нор с удивлением обнаружила у себя в рюкзаке клочок бумаги. Он гласил: «*Tu es si belle, ça me ferait mal à chercher ailleurs*». «Ты так прекрасна, что мне больно отводить взгляд».

Она очень долго писала ответ. Снова и снова проверяла свой перевод, чтобы быть уверенной, что нигде не ошиблась. Но, когда ей осталось только отдать его, ее вдруг охватила паника. Она могла думать только о шерстяных перчатках без пальцев, под которыми скрывались перевязанные запястья, и о том, как она иногда теряла нить урока миссис Кастилло, потому что цветы на подоконниках все время жаловались, что их слишком сильно поливают. Если он узнает ее – узнает по-настоящему, – как она может быть уверенной, что настоящая она ему понравится? Никак. Так что она разорвала свой ответ на мелкие клочки и никак не подала виду, что получила его записку.

Исторически сложилось, что истории любви женщин Блэкберн длились три дня.

История любви Нор не заняла и двадцати четырех часов.

Неудивительно, что после этого Рид больше ни разу с ней не заговаривал. На следующий год Нор бросила учебу, а он окончил школу и, как и все остальные, вскоре уехал.

А теперь – теперь он вернулся?

«И что мне с этим делать?» – тихонько пробормотала себе под нос Нор.

Когда они с Савви подошли к «Молоку и меду», Нор расслышала тихий плеск падающей воды в многоярусном фонтане. В воздухе висел сладкий запах лаванды. К нему примешивались базилик, розмарин и мята: за спа-салоном расположился целый сад, полный безупречно ухоженных трав и цветов, из которых Витория Оливейра добывала эфирные масла.

Внутри салона царила та же атмосфера покоя и уюта: бамбуковое половое покрытие, теплый свет бра, тихие звуки арфы. На главной стойке лежал прайс-лист на услуги салона: от минеральных грязевых ванн до массажа глубоких тканей.

Савви, подпрыгнув, взгромоздилась на стойку.

– Ю-ху! – крикнула она, болтая ногами и по очереди стуча своими туфлями на платформе по стеклу.

– И тебе ю-ху! – ответили ей.

И появился он. Он всегда был высоким, но теперь казался тоньше, как будто потерял на материке часть себя. Его длинные лохматые темно-русые волосы прядями свисали вокруг ушей, а на смуглой коже внутренней стороны его правого предплечья красовалась большая татуировка птицы – быть

может, вороны. Его яркие карие глаза остались такими же, как Нор помнила, и за его беспечной уверенной улыбкой по-прежнему читалась нотка грусти. И еще одно осталось прежним: пульс Нор по-прежнему реагировал на его приближение.

– Ты же в курсе, что никто по доброй воле не возвращается сюда, если уж удалось сбежать? – поддразнила его Савви.

– Значит, я решил нарушить все правила разом, – с улыбкой ответил он. Потом показал на флаеры, которые Нор сжимала в руках: – Ни разу не был на так называемых сеансах Мэдж, хотя наслышан. Я много упустил?

– Нор принципиально бойкотирует их каждый год, – ответила Савви. – Ну, знаешь, тридцать первого октября у нее день рождения.

– Правда? – Рид улыбнулся Нор, и она почувствовала, как под его взглядом заливается краской.

– Мэдж послала меня взять эфирных масел, – выпалила Нор и выбросила руку со списком куда-то в сторону Рида.

– Особенно нас интересуют те, которые полезны в любви. Для приворота. Для соблазнения, – добавила Савви.

– Нужна помощь по этой части, да? – спросил Рид.

– Увы, некоторым из нас нужно еще как-то закончить школу, и они слишком погружены в учебу, чтобы отвлекаться на зов сердца. – Она трагически вздохнула. – Еще успеется.

– Как скажешь, – улыбнулся он (пульс Нор снова подско-

чил) и вчитался в лист Мэдж. – Сейчас все принесу.

Нор громко облегченно вздохнула и только потом поняла, что Савви весело смотрит на нее.

– Чего? – прошипела она.

– Ты покраснела, – улыбнулась подруга.

«О черт».

– Правда? – спросила она, делая вид, что ей вдруг срочно понадобилось сколупнуть с ногтя большого пальца остатки облупившегося темно-синего лака.

– Пожалуйста, скажи мне, что у вас был тайный роман и вы каждую ночь встречались в укромном месте у водопада! – с надеждой зашептала Савви.

– Чего?! Нет! Кто так вообще делает?

– Делают, и многие, – возразила Савви. – Я бы вот с радостью.

– Ты-то конечно. Но ничего такого не было. Он просто… – Нор замялась. – Однажды он назвал меня прекрасной. – Она съежилась в ожидании хохота подруги.

– О боже, Нор, – выдохнула Савви.

Нор покраснела еще гуще:

– Да ладно, это же пустяк.

– Нет, не пустяк! Боже, совсем не пустяк! Может, у тебя есть шансы хоть раз в жизни любить и быть любимой. А то, знаешь, я за тебя волновалась.

Нор поморщилась.

– А может, я и хочу умереть, ни разу не полюбив и не

побыв любимой!

Улыбка Савви потухла.

– Нор, – серьезно прошептала она, – никто не может хотеть умереть без любви.

– Я пару раз видел, как ты бегаешь вокруг озера, – воодушевленно заговорил вернувшийся Рид. Нор только через секунду поняла, что он обращается к ней. – Ты меня, наверное, не заметила. Ты бегаешь куда быстрее, чем я.

Он поставил на стойку небольшой ящик и принялся доставать оттуда флаконы эфирных масел и отдавать их Нор: бергамот, нероли, розовое дерево.

Нор не спускала глаз с флаконов, чтобы не встречаться взглядом ни с Ридом, ни с Савви.

– А? – буркнула себе под нос она.

– Ты не… – Он запнулся и наклонил голову, чтобы посмотреть ей в глаза. – Может, ты как-нибудь позволишь мне к тебе присоединиться?

Как только их глаза встретились, Нор лишилась дара речи. «Нор, пожалуйста, сосредоточься», – умоляла она сама себя. О чем он спрашивает? Можно ли бегать? Вместе с ней? Зачем ему это понадобилось? И, не в силах придумать никакого другого ответа, она прошептала:

– Давай.

Секунду он изучающе смотрел на нее, все еще держа в руках один из флаконов.

– Я рад, что ты осталась, Нор Блэкберн, – наконец сказал

он.

– А куда мне было деваться? – удивленно выпалила она.

Он рассмеялся – как будто теплый лучик солнца согрел холодное утро. В этот миг Нор больше всего на свете хотела заставить Рида Оливейра смеяться так снова и снова.

Ее это пугало.

4
Заклинание призыва

Важно помнить, что некоторые вещи попросту не желают приходить по зову. Вынуждать их – жестокая ошибка.
Рона Блэкберн

Весной 1998 года Мэдж Симидзу, аспирантка одного из престижных университетов Восточного побережья, работавшая над диссертацией по ботанике, оказалась одной из случайных адресатов анонимного и безобидного письма счастья. В этом письме, как и в большинстве ему подобных, обещалось исполнение даже самых безумных ее желаний, если только она перешлет его еще десяти людям, а также тому, кто начал эту рассылку. Блестящие способности к науке не мешали юной Мэдж быть очень суеверной, так что она немедленно сделала одиннадцать копий письма и отнесла их на почту. Не то чтобы она серьезно поверила, что какое-то письмо счастья может изменить ее жизнь, но она не собиралась ставить под угрозу свое великое и полное открытий будущее и должна была перестраховаться.

И потом, кому навредят несколько писем?

К ее удивлению, очень скоро пришел ответ от человека, запустившего письмо счастья, – одинокой беременной сем-

надцатилетней девчонки с далекого острова около Вашингтонского побережья. Из завязавшейся переписки Мэдж узнала, что у бедной девочки очень мало друзей. А поскольку, по ее словам, она никогда не была особо близка с матерью, дома ждать поддержки тоже не приходилось. Девочка чувствовала себе абсолютно, совершенно одинокой. Мэдж подозревала, что письмо счастья было попыткой достучаться до внешнего мира, найти кого-нибудь, кто позаботится о ней, чем Мэдж с радостью и занялась. Особенно судьбоносным показалось ей то, что девочку звали Ферн, то есть «папоротник», а она была ботаником.

Через несколько месяцев после рождения у девочки ребенка Мэдж сделала то, что поразило даже ее саму. Вместо того чтобы сдавать сессию, она покидала вещи в свой «вольво» и приехала на остров, решительно намереваясь спасти юную мать и ее маленькую дочь от жалкого прозябания в изоляции, небрежении и безнадежности.

Во время долгого пути через всю страну Мэдж поняла, что письмо счастья не обмануло: ее самые безумные желания действительно сбывались. Просто мечты о звании кандидата наук и научной карьере безумными не были. Мэдж откуда-то знала: если она действительно хотела прожить великую и полную открытий жизнь, ее следовало строить вокруг Ферн Блэкберн и только вокруг нее.

Прибыв на остров, Мэдж обнаружила, что Ферн пробудила лучшие чувства и желание помочь не в ней одной. Ока-

зывается, та переписывалась с наивными студентами со всей страны. И, как и Мэдж, ранней весной они приехали на остров. Их число колебалось между десятью и тридцатью. Они привезли с собой маленькие походные кухни, тяжелые темно-зеленые брезентовые навесы и биотуалеты, которые к середине июля все сломались. Ночами напролет они танцевали под ритмы барабанов и занимались любовью. Они привезли с собой собак, чья шерсть была изъедена паршой, которую Джадд удалось вылечить, и вспышку гонореи, против которой она была бессильна. И, что важнее, они привезли с собой обожание и поклонение, а также извращенную готовность делать что угодно, лишь бы Ферн была довольна.

Верные Ферн, как они себя называли, жили на острове, пока в октябре не зарядили ливни и не обрушили их палатки. После этого остались лишь самые преданные, в том числе и Мэдж. К тому моменту она уже определенно была по уши влюблена. Нор никак не могла понять, сама Мэдж влюбилась в ее мать или это было желание Ферн, которое не могло не сбыться.

Таков был дар Ферн – внушать всем вокруг что угодно и управлять ими.

По «предложению» Ферн Мэдж сняла со счета деньги, которые копила на поход по Европе, и арендовала пустое помещение под магазин на Извилистой улице. Поставила там карточный стол и табличку «Гадание на руке – пять долларов» и переоборудовала подсобку, чтобы там можно было

жить. Потом, когда Ферн посчитала, что Джадд и Апофия слишком привязались к маленькой Нор, и решила съехать из Башни и забрать ребенка с собой, они сделали из крошечного чуланчика детскую комнату. Неважно, что Ферн никогда не стремилась быть матерью. Таков был один из ее принципов: как только она видела, что кому-то чего-то хочется, она должна была сама завладеть этим чем-то, просто чтобы другому не досталось.

Большая часть детских воспоминаний Нор была связана с этим крошечным магазинчиком, чуланом-детской и вереницей странных людей. Некоторых из них она знала только по вычурным именам, которые они придумали себе сами: Песнь Лета, Озеро, Вега, Душица. Она помнила перестук деревянных бусин, когда-то висевших в дверном проеме между главной комнатой и подсобкой, маленькую электрическую плитку с микроволновкой, заменявшие им кухню, и стойку с раковиной, в которой они чистили зубы и мыли посуду. Она помнила драный кожаный диван у стены и то, как легко было поскользнуться, наступив на чей-нибудь спальный мешок. Стены чуланчика, где она спала, были увешаны яркими гобеленами, потолок покрывали пятна от воды. Кроватью ей служил узенький односпальный матрас, занимавший весь пол чулана.

Мэдж заботилась о Нор и стала ей матерью в большей степени, чем кто-либо еще в те годы: это Мэдж обычно укладывала Нор спать, проверяла, что она почистила зубы в рако-

вине и что ее пижаму не пора стирать. Иногда за нее это делали Вега и его партнер Озеро, нежно любивший сказки на ночь. Песнь Лета клала Нор под подушку мешочки с измельченной лавандой и бутонами роз. Душица любила петь ей перед сном: она брала аккорды на мандолине и тихим дрожащим сопрано напевала испанские серенады. Словом, быть матерью ребенка Ферн нравилось всем, кроме нее самой. Вот только желающие находились не каждый день. Иногда она слушала сиплый смех за стенами своего чуланчика и ждала, когда же кто-нибудь вообще вспомнит о ее существовании. В такие дни она укладывалась спать сама.

Хотя Нор всегда засыпала одна, иногда, просыпаясь, она видела уснувшую рядом Ферн. Ей было странно смотреть на спящую мать, тихую и умиротворенную, на то, как ее светлые волосы безвольно лежат на подушке, а под лиловыми веками пролетают сновидения.

Однажды Нор проснулась посреди ночи и увидела, как мать смотрит на нее. Ферн разрезала лицо Нор скальпелями слов, отделяя свои черты от черт отца девочки.

– Вот это, – говорила она, показывая пальцем на ямочку на левой щеке Нор или на изгиб ее брови, – мое. А вот это, – указывала она на переносицу дочери, – твоего отца.

Находя некрасивые черты, она провозглашала, что они достались Нор от Джадд.

Потом Нор изучала свое отражение в зеркале и гадала, найдет ли она свои черты в отце, если когда-нибудь увидит

его. В ту субботу она бродила по сельскохозяйственной ярмарке, всматриваясь в лица мужчин и пытаясь отыскать в толпе свой нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.